

Он провел на горе Юнь уже полгода, и столько же времени жил бок о бок с Призрачным Лекарем.

Он пришел сюда за лечением.

Но прошло уже полгода, они играли на цитре, любовались цветами, неспешно переставляли шахматные фигуры, наслаждались природой и говорили о высоких материях, но Призрачный Лекарь по-прежнему не обращал внимания на его болезнь.

От школы Призрачного Лекаря остался лишь он один, и у этой школы были свои правила.

Если хочешь лечиться, отдай половину всего своего имущества.

Если у тебя десять тысяч монет, ты должен отдать пять тысяч за свою жизнь; если у тебя всего одна монета, отломи половинку — и этого будет достаточно.

Это поистине гениальное правило, установленное основателем школы Призрачного Лекаря для того, чтобы даже нищий мог получить лечение.

Не в деньгах суть, а в предназначении.

Но именно эту половину своего состояния он не мог отдать. Не потому, что у него ничего не было, а потому, что у него было слишком много, настолько много, что половина его имущества значила больше, чем его собственная жизнь.

Он был правителем государства.

Разве это не ирония?

Его Величество слегка приболел, и уже полгода не появлялся перед придворными сановниками.

Теперь маленький наследник престола, которому еще нет и десяти лет, номинально управляет страной, но реальные государственные дела все еще приходится возлагать на князя Юй.

Если бы не то, что этот дядя императора уже перешагнул семидесятилетний рубеж и не имел наследников, можно было бы заподозрить его в притязаниях на трон.

На самом деле Его Величество действительно написал князю Юй, сказав, что если он вернется, то все будет хорошо, а если нет, значит, лекарства бессильны и он умрет в этом захолустье Призрачного Лекаря, и тогда придется дяде помочь перевезти тело в императорскую усыпальницу.

Князь Юй лишь тяжело вздохнул.

Призрачный Лекарь был непреклонен. Если попытаться его подкупить — он был как белый лотос, незапятнанный грязью; если попытаться пригрозить — он одинок в этом мире, и у него оставалась лишь его голая жизнь.

Если бы его действительно убили, кто бы тогда лечил императора?

Итак, император остался жить на горе Юнь.

Призрачный Лекарь был человеком спокойного нрава, в зеленой одежде, статный, с холодным

взглядом, полным пустоты, и бесстрастным сердцем, что придавало ему вид отрешенного святого.

Он знал, кто пришел к нему за лечением, и мог вылечить его болезнь, спасти его жизнь.

Но он не мог этого сделать.

Если император не отдаст половину своей империи, он не сможет его вылечить.

Он был частью этой школы, и правила, оставленные предками, не могли быть нарушены им.

Он поливал цветы, наблюдая, как император сушит для него травы во дворе.

Время текло спокойно.

Когда они впервые встретились, гора Юнь была покрыта лесами, словно окутанными румяным туманом, а горные склоны напоминали изумрудный экран. Император, покрытый пылью, опирался на бамбуковый посох в свой рост и смотрел, как Призрачный Лекарь, неся корзину с травами, медленно идет сквозь облака и туман, и зеленые лозы касались его одежды, точно небожитель.

На горе только что прошел дождь, и тропинка была грязной. Император никак не мог понять, как можно идти, развевая полы одежды, и не запачкать их.

Призрачный Лекарь сказал, что жизнь, старость, болезнь и смерть — все это судьба, и не стоит ей противиться.

Император усмехнулся, сказав, что его время еще не пришло.

Призрачный Лекарь спросил императора, ради чего он живет.

Император снова усмехнулся и, не задумываясь, ответил:

— Ради Поднебесной.

Он действительно был мудрым правителем, достойным своих предков и народа. Он правил всем миром, но не мог сохранить свою жизнь.

Он ел простую еду и пил грубый чай в доме Призрачного Лекаря, словно незваный гость, который решил остаться надолго, но при этом на словах презирал это захолустье.

Спокойный Призрачный Лекарь не был мастером выгонять людей.

Более того, он находил характер этого человека удивительно созвучным своему.

Тень лета все еще витала в воздухе.

Вечером они спускались с изумрудной горы, лунный свет сопровождал их на обратном пути. Оглядываясь на пройденную тропу, они видели, как зеленые лозы касались их одежды. Они радовались обретенному покою, вместе поднимали кубки с прекрасным вином. Долго пели песни под шум сосен, и когда мелодия стихала, речные звезды уже редели.

Я пьян, а ты счастлив, мы оба безмятежны и забыли о мирских заботах.

Они действительно забыли о времени на горе Юнь, а затем осенний ветер и дождь принесли печаль.

Гора Юнь лишилась своего изумрудного экрана, оставив лишь румяные леса и красные листья, заполнившие небо.

Двое людей на горе почти не изменились. Один играл на цитре, другой подпевал, напевая о красных листьях под вечерний ветер и выпивая ковш вина в дальней беседке.

Казалось, никто не заметил той крови, что император выплюнул на красные листья.

Когда наступила зима, вершина горы покрылась снегом, и зеленое вино с красной глиняной печкой-жаровней стало приятным развлечением. Император лениво сидел, укутанный в меховую накидку, у печки, полуприкрыв глаза, сдувая пену с вина, и снова начал ворчать на дешевое вино захолустья.

Впервые он показал перед Призрачным Лекарем высокомерное выражение лица, то говоря: «Золотые кубки с чистым вином — по десять тысяч за меру, яшмовые блюда с драгоценными яствами — прямо к богатству», то вспоминая: «Опрокидывая золотые кубки, смех застолья, песни „Золотой нити“, звуки чжэнов и лютен».

Призрачный Лекарь просто забрал вино, стоявшее перед ним, и позволил ему говорить. Император, конечно, замолчал.

В конце концов, теперь у него не осталось даже дешевого вина.

Снег на горе Юнь был велик, как циновка, и гнул ветви.

Император взял чашку простой воды и, стоя у деревянной двери, молча поднял ее в сторону ветвей, усыпанных разбитым яшмовым узором.

Призрачный Лекарь видел, что сегодня император кого-то вспомнил.

Мир замер, опадающие цветы сливы падали, словно беспорядочный снег, дрова в печи изредка потрескивали, в комнате было невыразимо тепло.

Император вспоминал, конечно же, не о пирах с музыкой и яствами, а о рано ушедшей императрице.

Та была яркой, но не вульгарной, величественной и благородной девушкой. Когда-то в снегу император сорвал для нее ветку белой сливы.

Император вдруг захотел снова сорвать ветку белой сливы.

Призрачный Лекарь спокойно сидел там, подперев голову рукой и глядя на императора, его взгляд по-прежнему был холодным и пустым.

Снег прекратился, император оставил в снегу неровные, глубокие следы. Опадающие цветы сливы под ступенями все еще падали, как беспорядочный снег, покрывая его одежду снова и снова. Он постоял под сливовым деревом, слегка поколебался, пощадил это дерево, покрытое цветами и снегом, и затем медленно вернулся в дом.

Призрачный Лекарь держал в руках книгу, прядь волос спадала на его лицо, словно он был частью застывшей картины.

Цветы сливы опадали, превращаясь в грязь и втаптываясь в пыль, а когда распускались красные абрикосы, начинался мимолетный весенний дождь.

Сейчас уже была весна.

Ветер был ласков, солнце светило ярко, Призрачный Лекарь поливал цветы, а император сушил для него травы во дворе.

Время текло спокойно.

Император упал в обморок во дворе этого захолустья.

Видишь, как справедлива судьба: дав тебе Поднебесную, она обязательно отнимает что-то другое.

Яд, принесенный из материнской утробы, в любой момент мог оборвать жизнь.

Император уже так ослаб, что не мог встать с постели.

Призрачный Лекарь каким-то неизвестным способом все же сорвал ветку белой сливы.

Император улыбнулся.

Призрачный Лекарь вспомнил конец лета и начало осени, когда они вдвоем гуляли при свечах, несмотря на пронизывающий холод ночного ветра, по-глупому дошли до самой воды.

Ветер только утих, рыболовная леска медленно наматывалась, словно задевая целое озеро звезд.

Глаза императора тогда, как и сейчас, отражали целое озеро звезд.

Основатель школы, вероятно, не думал о том, как поступить, если за лечением придет император.

Небо дает тебе одну вещь, но обязательно отнимает другую.

На горе Юнь цвели десятки тысяч персиковых деревьев, и опадающие лепестки кружились в воздухе. Император настаивал, чтобы Призрачный Лекарь поддержал его и пошел посмотреть на цветы.

Призрачный Лекарь поддержал императора и пошел с ним посмотреть на цветы.

В этом году персиковые цветы были особенно пышными.

Император впервые использовал обращение «мы». Он сказал:

— Мы хотели тронуть сердце искренностью, но потерпели неудачу.

Призрачный Лекарь, по-прежнему в зеленой одежде, с холодным взглядом, полным пустоты, и бесстрастным сердцем, выглядел как отрешенный святой.

Император закрыл глаза.

Призрачный Лекарь хранил верность своим предкам, и император хранил верность своим

предкам.

Наследник был слишком молод, и император должен был выжить.

Призрачный Лекарь достал пузырек с лекарством.

Он проглотил яд, что был внутри, затем взглянул на императора в своих объятиях и холодно произнес:

— Я не совершаю самоубийство из-за любви, я не дурак. Я просто с самого начала знал, что если ты умрешь, императорская семья наверняка убьет меня, чтобы я составил тебе компанию.

— Лучше я покончу с собой сам.

Он оставался бесстрастным и холодным.

Пчелы и бабочки кружились, персиковые цветы пылали; ветер был ласков, солнце светило ярко, весенний свет был ослепителен.

Просто это был путь от самых небес до глубин преисподней.

Династия Великая Река, Цинчжоу, Ечэн.

Цзи Цзюэ присел на корточки у прилавка с тофу, болтая с тетушкой Цянь, или, скорее, вынужденно слушая, как она болтает с ним.

Тетушка Цянь ловко отрезала кусок тофу, завернула его для Цзи Цзюэ и заодно положила ему пучок овощной зелени.

Пересчитывая медяки, она оживленно спросила Цзи Цзюэ:

— Юноша Цзи, ты собираешься в столицу?

Цзи Цзюэ слегка кивнул:

— Да, выезжаю за три месяца, чтобы успеть на весенние дворцовые экзамены.

— Юноша Цзи, ты просто удивительный, всего пятнадцать лет, а уже стал провинциальным выпускником. Не то что наш сорванец, просто наказание...

— А как поживает Эрлан? — спросил Цзи Цзюэ.

— Все по-старому, в доме помещика Чжао служит товарищем по играм для юного господина Чжао... никаких перспектив. — Тетушка Цянь сказала это и сунула Цзи Цзюэ еще несколько листов сушеной соевой кожи.

Затем она слегка замялась, вытерла руки и, улыбаясь, сказала Цзи Цзюэ:

— Послушай, нельзя ли, чтобы мой Эрлан поехал с тобой в столицу, просто чтобы мир посмотреть... Ты же у меня на глазах вырос...

Цзи Цзюэ на мгновение застыл.